

Научная статья

УДК 94(470.41-25)“1871/1877”+37.01

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.9

Каюм Насыри — учитель русско-татарской школы Казани (1871—1877 гг.)

Ильдус Котдусович Загидуллин

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, zagik63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>

Аннотация. Статья посвящена учебно-методической деятельности учителя начальной русско-татарской школы Казани Каюма Насыри в 1871—1877 гг. К. Насыри вошел в историю национального просвещения как основатель первой в Казанской губернии и второй по счету в Казанском учебном округе начальной русско-татарской школы для мальчиков. Рассмотренный материал о деятельности Насыри в качестве учителя русского языка свидетельствует о таких примечательных чертах характера просветителя, как терпимость к испытаниям и невзгодам, философский подход к жизненным трудностям и глубокая вера в правоту своих начинаний, стойкое перенесение унижений и несправедливостей со стороны единоверцев в стремлении принести пользу своему народу. Резюмируя учительский этап жизни, Насыри считал свою деятельность правым делом, глубоко осознавая свою миссию как просветителя родного народа. Именно в период работы учителем, в борьбе со схоластическим мышлением и в процессе обучения шакирдов русскому языку и математике у Насыри постепенно выработалась программа действий просветителя, реализации которой он посвятил оставшуюся жизнь.

Ключевые слова: татарское просветительство, К. Насыри, В. В. Радлов, русско-татарская школа Казани, школьная политика правительства в отношении татар-мусульман.

Для цитирования: Загидуллин И. К. Каюм Насыри — учитель русско-татарской школы Казани (1871—1877 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 4 (52). С. 129—143. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/9_52_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.9.

Original article

Kayum Nasyri — a teacher at the Russian-Tatar school in Kazan (1871—1877)

Ildus K. Zagidullin

Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, zagik63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>

Abstract. The article is devoted to the educational and methodological activities of Kayum Nasyri, a teacher at the primary Russian-Tatar school in Kazan, in 1871—1877. Nasyri went down in the history of national education as the founder of the first in the Kazan province and the second in the Kazan educational district primary Russian-Tatar school for boys. The studied material about Nasyri's activities as a teacher of Russian testifies to such remarkable traits of his as tolerance in hardships and tribulations, a philosophical approach to life and a deep belief in the rightness of his undertakings, a persistent endurance of humiliation and injustice on the part of fellow believers in an effort to benefit his people. Summing up the teaching period of his life, Nasyri evaluated his activities as a just cause being, deeply aware of his mission as the enlightenment of his native people. It was during the period of working as a teacher, in the struggle against scholastic thinking and teaching Russian and mathematics to the shakirds that Nasyri gradually developed the educational program, to the implementation of which he devoted the rest of his life.

© Загидуллин И. К., 2024

Keywords: Tatar enlightenment, K. Nasyri, V. V. Radlov, Russian-Tatar school in Kazan, school policy of the government in relation to the Tatar Muslims.

For citation: Zagidullin I. K. Kayum Nasyri — a teacher at the Russian-Tatar school in Kazan (1871—1877). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 4 (52), pp. 129—143. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.9>.

Введение

В биографии великого татарского просветителя Каюма Насыри (1825—1902) четко выделяются несколько этапов: 1) деревенский период (1825—1841 гг.), когда он в отчем доме помогал по крестьянскому хозяйству, получал домашнее религиозное образование, изучал русский язык, по примеру отца-каллиграфа переписывал религиозные рукописи; 2) период обучения в Сагидовском медресе г. Казани (1841—1855 гг.); 3) период работы в качестве преподавателя татарского языка в казанских православных духовных учебных заведениях (1855—1870 гг.); 4) период учительства в русско-татарской школе Казани (1871—1877 гг.); 5) так называемый «вольный период» (1877—1902), когда им были написаны и изданы труды, составляющие золотой фонд татарской общественной мысли второй половины XIX в.

Статья посвящена четвертому этапу жизни просветителя, когда он работал учителем первой в Казани начальной русско-татарской школы. Главным источником по данной теме является сочинение самого К. Насыри «Открытие в Казани первой русско-татарской школы для детей мусульман», в котором автор от третьего лица излагает некоторые моменты, связанные с учреждением учебного заведения, особенно подробно останавливаясь на трудностях в своей педагогической практике. Этот источник был впервые опубликован в журнале «Совет эдэбияты» («Советская литература») в 1936 г. [13]. Русский перевод сочинения впервые увидел свет в «Избранных произведениях» просветителя, изданных в 1977 г. [14]. Однако еще до публикации данного текста в своей объемной статье, посвященной биографии и наследию К. Насыри (1922 г.), литературовед Г. Рахим осветил несколько эпизодов его работы в казенном учебном заведении и указал причину его ухода из русско-татарской школы [16].

Каюма Насыри в полной мере можно именовать «юбилейной личностью» советской эпохи, исследование письменного наследия и издание трудов которого приурочивались к круглым датам, что имело издержки в плане написания глубоко проработанных научных статей. Накануне очередного юбилея просветителя гуманитарное научное сообщество Казани мобилизовалось для написания докладов к предстоящей конференции, а биографический аспект темы ввиду ограниченности времени нередко оставался за пределами исследовательского внимания.

Вторым важным моментом представляется изучение биографии и наследия просветителя и подготовка его произведений к печати литературоведами и историками татарской литературы, которые справедливо обращали внимание прежде всего на рукописные и опубликованные труды К. Насыри, упуская из виду документы казенных учреждений. Правда, главный исследователь Насыри в 1940—1970-е гг. М. Х. Гайнуллин опубликовал хранящееся в архиве просветителя письмо чиновника учебного ведомства из Оренбурга (1876 г.) с приглашением его на работу на должность учителя русского языка [2, с. 121].

Вследствие ограниченности источниковой базы участники конференций, следуя за текстом упомянутого выше произведения просветителя, обращали внимание главным образом на два аспекта — сложные взаимоотношения учителя с жителями татарских слобод Казани, которые негативно относились к обучению детей русскому языку и математике, и взаимоотношения Насыри с его непосредственным начальником — инспектором татарских, башкирских и казахских школ Казанского учебного округа В. В. Радло-

вым. Это способствовало формированию однобокого представления о недружелюбных взаимоотношениях между ними, которые будто бы стали главной причиной оставления Насыри русско-татарской школы.

Выше отмечалось, что Г. Рахимом (1892—1943) была указана истинная причина оставления Насыри русско-татарской школы. Однако его статья как написанная «врагом народа» (Г. Рахим был репрессирован и дважды сидел в тюрьме) игнорировалась в 1940—1960-е гг. новым поколением советских ученых. К сожалению, и после реабилитации Г. Рахима как невинно осужденного лица в материалах конференции 1975 г. ученые продолжали придерживаться ставшей официальной версии ухода Насыри из школы. В данном случае, на наш взгляд, сыграла свою роль малочисленность советских ученых, знающих арабскую графику, на которой написано данное исследование. Только в 2020 г. статья Г. Рахима была опубликована сотрудниками ИЯЛИ АН РТ в сборнике трудов института в серии «Духовное наследие: поиски и открытия» [17].

Несколько новых архивных документов, имеющих отношение к учительскому периоду биографии Насыри, были введены в научный оборот в сборниках документах: о преподавании в русском классе, расположенном в здании медресе «Кул буе» («Приозерная») г. Казани [10, с. 25—27], и о безвозмездной передаче им в 1877 г. географических карт на татарском языке Казанской татарской учительской школе, учрежденной в 1876 г. и остро нуждавшейся в учебных пособиях по географии [6, с. 24—25].

Целью статьи является комплексное освещение деятельности К. Насыри в русско-татарской школе Казани в 1871—1877 гг.

Основными методологическими принципами исследования являются принципы историзма, объективности и системности, а также исторические методы: сравнительно-исторический и источниковедческий синтез.

Результаты исследования

В 1870 г. в регионах компактного расселения мусульман Волго-Уральского региона правительство наметило поворот к обязательному изучению государственного языка. Насыри с большой радостью воспринял появившиеся в еженедельнике местной духовной консистории — «Известиях по Казанской епархии» (1870, № 18) — «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», высочайше утвержденные 26 марта 1870 г.

В этих «Правилах», как впоследствии отмечал сам просветитель, он воодушевился одним предложением — об обучении русскому языку в первое время на родном языке учащихся [12, с. 44]. В начале 1871 г., набрав 3—5 учеников, Насыри начал обучать их русскому языку в качестве домашнего учителя.

«Правила» 1870 г. предусматривали новую систему получения татарским населением светского русского образования: двуязычное начальное, русское среднее и высшее образование. Первое звено предполагало два варианта начальной школы для мусульман: 1) русско-татарское начальное училище, где изучение мусульманских наук было сведено до минимума и главный акцент делался на русский язык и математику; родной язык учащихся использовался как средство для изучения русского языка; 2) предполагалось вводить русский класс во вновь открывающихся мусульманских учебных заведениях, а их содержание осуществлять за счет прихожан; шакирды до достижения 16-летнего возраста должны были посещать русский класс и усвоить его программу.

Для руководства новыми учебными заведениями для мусульман в Казанском учебном округе была введена должность инспектора татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ, на которую был назначен известный тюрколог Василий Васильевич Радлов (1837—1918).

В 1871 г. в поисках новой работы В. В. Радлов выехал из Барнаула в Санкт-Петербург. По дороге остановился в Казани и в квартире Н. И. Ильминского случайно познакомился с попечителем Казанского учебного округа П. Д. Шестаковым, который предложил ему еще не существующую должность инспектора мусульманских школ. Получив согласие тюрколога, 10 марта 1871 г. П. Д. Шестаков ходатайствовал перед министром народного просвещения Д. А. Толстым о введении такой должности [19, с. 93]. Прибыв в столицу, Радлов познакомился с министром, который подал соответствующее ходатайство в Государственный совет об учреждении новой должности в Казанском учебном округе. Проявив незаурядную смелость, через председателя Государственного совета Радлов добился внеочередного рассмотрения введения штата инспектора и для ознакомления с новыми методиками преподавания языков выехал на историческую родину — в Германию [22, с. XVII—XVIII].

В ноябре 1871 г. В. В. Радлов, прибыв в Казань сразу после назначения инспектором, предложил Каюму Насыри, работавшему в 1855—1870 гг. практикантом-преподавателем татарского языка в Казанской православной духовной семинарии, учредить казенную школу для татар-мусульман. По поводу этой судьбоносной встречи Насыри в 1876 г. отмечал, что, к его счастью, этого человека прислал Аллах [14, с. 73]. Насыри согласился на предложение В. В. Радлова стать заведующим и учителем первой в Казани и губернии русско-татарской школы, где получил возможность обучать детей первоначально татарскому языку, а затем на его основе — русскому языку.

Однако мусульманское население Волго-Уральского региона с настороженностью восприняло новую инициативу имперской власти. Жители татарских слобод даже за повышенную сумму отказывались сдавать в аренду помещение для проведения занятий. Можно предположить, что это объясняется не только новизной проекта по распространению русского образования среди татар, но и репутацией Насыри как преподавателя православной духовной школы. Получив бойкот от единоверцев и отчаявшись, учитель был вынужден в начале февраля 1872 г. арендовать помещение в неблагополучном районе Казани — на Мокрой слободе за Булаком.

Школа открылась на втором этаже здания, над действующим кабаком. Там Насыри проводил занятия по русскому языку и математике с 6—10 татарскими мальчиками. После занятий они расходились по домам, а сам учитель проживал в соседнем с учебным классом помещении.

Он, вероятно, был первым татарин-мусульманином, поселившимся на Мокрой слободе Казани, причем личностью с особой общественной миссией просвещения родного народа. Учитель, воспитанный в благополучной сельской татарской семье, в которой искренне чтит народныe традиции и жили по нравственным принципам ислама, стал свидетелем разных нелюбимых ситуаций, происходивших в вечернее и ночное время в двухэтажном доме и на улице. Насыри приходилось терпеть ругань, пьянство, драки, непристойные песни завсегдатаев — все то, что было ему до глубины души противно и от чего он всегда старался дистанцироваться. «Внизу день и ночь горланят песни, дерутся, за стеной ютятся сапожники, портные, скорняки. Во дворе — пивной завод. По соседству — публичный дом. На улицу выйдешь — мокро, в дом войдешь — та же мерзость. Вокруг что ни слово — скверная брань», — вспоминал он неблагополучный во многих отношениях период своей жизни [14, с. 74]. Насыри был готов терпеть жизненные невзгоды и дальше, однако школа продержалась два месяца и опустела по причине неявки учащихся: каждого из мальчиков подвергли порке в родных медресе за посещение русско-татарской школы.

Пойти к инспектору с жалобой на своих нерадивых учеников ему не позволяла профессиональная солидарность. Однако, когда известие о прекращении уроков дошло до В. В. Радлова, последний, надавив на учителя, приказал учредить учебное заведение в другой части города. На этот раз Насыри, учитывая свой горький педагогический опыт, комплектовал школу в основном сыновьями своих знакомых и своих бывших учеников, а также родственниками некоторых учащихся [14, с. 74].

Набрав таким образом 15 мальчиков, Насыри открыл русско-татарское училище на Захарьевской улице, на территории первого прихода, где муллой состоял Ш. Марджани, арендовав помещение в двухэтажном деревянном особняке купца 2-й гильдии Шагиахмета Салихова (1825—1885) [5, с. 5]. На этот раз учитель сумел укомплектовать школу 20—25 учащимися, к которым вскоре присоединились еще 6 мальчиков. Здесь же обучались шакирды расположенного близко к школе медресе Ш. Марджани [7, с. 491—492]. Когда один из шакирдов — постарше, выходец из бедной семьи, сославшись на отсутствие обуви, перестал посещать занятия, остальные ученики также оставили школу. Чтобы возобновить обучение, Насыри пришлось из своих скудных средств купить ему галоши, взяв обещание аккуратно водить на уроки своих товарищей помладше. Весной, когда земля просохла, этот ученик вновь исчез из школы, занявшись продажей лимонов. Чтобы вновь вернуть коллективно оставивших школу мальчиков, Насыри пришлось ежедневно выплачивать этому подростку по 10 копеек серебром сверх той суммы, которую тот зарабатывал, продавая лимоны. С помощью таких материальных затрат и увещаний учителю с большим трудом удалось вернуть в школу и продолжить занятия с 30 учениками [7, с. 75].

В этот период Насыри получал ежемесячное жалованье в размере 25 рублей. Однако не жаловался: жилье для него было бесплатным, а по вечерам в своей казенной квартире он занимался репетиторством, обучая русскому языку нескольких шакирдов городских медресе [17, с. 47].

Летом 1872 г. Насыри перебрался в третье по счету помещение (на этой же улице), где, наконец, в 1872/73 учебном году ему удалось организовать нормальный учебный процесс для 35 мальчиков [14, с. 75—76].

Как было отмечено, «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. предусматривалось открытие новых медресе непременно с русским классом, который должен был содержаться за счет местных жителей. Однако к этому времени в Казани существовала уже сложившаяся сеть медресе. По этой причине Радлов первоначально обратился к казанским муфтиям с предложением самим открывать русские классы при медресе. Мусульманские духовные лица дипломатично ответили, что считают учреждение русских классов не только полезным, но даже необходимым, однако подчеркнули, что их медресе не имеют средств на жалованье учителю русского языка, что они сами дают уроки безвозмездно, и что шакирды, живущие в медресе, вообще бедны для того, чтобы платить за уроки.

Нацеленный на результат, В. В. Радлов продолжал искать пути реализации государственной школьной политики. Следует отметить, что в начальный период своей инспекторской деятельности у Радлова отсутствовали готовые педагогические кадры, он усиленно искал будущих учителей русского языка среди отставных нижних чинов, студентов и лиц, знающих русскую грамоту благодаря своей профессиональной деятельности, и т.д. В этой связи инициативу Радлова по открытию в Казани одновременно четырех русских классов при крупных и имеющих добротную учебную базу медресе следует признать большим достижением. Эта инициатива инспектора являлась, по сути, благом для Насыри, который, наконец, перестал быть белой вороной: в Казани появились еще

4 педагога, обучающих татар русской грамоте. Если до этого времени негатив и сквернословие оппонентов нового школьного порядка для мусульман фокусировались и обрушивались только на одного Насыри, то теперь негативная энергия противников русского образования должна была «рассеиваться» по меньшей мере на пять объектов, и многие оппоненты вынуждены были сосредоточиться на учителях русских школ при своих или ближайших медресе.

Получив отказ татарского духовенства, инспектор В. В. Радлов обратился в Казанскую городскую думу. Акцентировав внимание гласных на то, что «магометанская часть общества неоднократно содействовала своими средствами к поддержанию русских учебных заведений и ежегодно вносила значительные суммы на содержание городских православных школ», инспектор 28 апреля 1872 г. ходатайствовал о выделении в следующем году средств на ежегодное содержание запланированных к открытию при 4-х медресе русских классов из расчета 60 руб. (ежегодное жалованье) для учителя и 80 руб. — на приобретение учебных пособий. Получив отказ, через попечителя Казанского учебного округа инспектор со второго раза добился согласия на выделение необходимой суммы на учебные нужды мусульман из городского бюджета. К началу финансового года ему также удалось найти новых учителей, которые согласились за весьма умеренную плату 2 раза в неделю проводить занятия с шакирдами. Шакирды, которые лучше всех понимали востребованность знания государственного языка для будущей должности муллы, отнеслись к новшеству положительно, благодаря чему удалось одновременно привлечь к изучению русского языка и грамоты до 200 молодых людей [10, с. 25—26].

Между тем некоторые татарские муллы начали оказывать скрытое противодействие новшеству, активными проводниками которого были В. В. Радлов и К. Насыри.

Следует также отметить, что при организации образовательного процесса в русских классах при медресе В. В. Радлов, ввиду новизны дела и неопытности, допустил ряд серьезных просчетов, каждый из которых в конечном счете болезненно сказался на взаимоотношениях учителей и шакирдов. Заложником его необдуманных действий стал и К. Насыри, неожиданно направленный в начале 1873 г. учителем в русский класс при медресе Апанаевской мечети.

Дело в том, что в 1872 г. при планировании русского класса при медресе «Күл буе» («Приозерная») В. В. Радлов сообщил муэдзину Апанаевской мечети Мустафе Изенбаеву, что учителем русского класса будет назначен К. Насыри, шакирды также были уведомлены об этом. Однако к моменту открытия русского класса инспектор нашел нового педагога, посчитав, что опытного Насыри не следует отвлекать из русско-татарской школы, где учебный процесс был уже налажен. Когда по его устной рекомендации в медресе явился учитель Вахры (Фахри?) Мусин, шакирды не пустили его в учебное заведение, заявив, что ждут учителя Каюма Насыри. Не добившись от В. Мусина документа об удостоверении личности учителя русского языка, шакирды выгнали его из медресе, сказав напоследок оскорбительные слова. В. В. Радлов, узнав об инциденте, немедленно ходатайствовал о закрытии медресе за неподчинение правительственному распоряжению. В резонансное дело пришлось вмешаться казанскому губернатору Н. Я. Скарятину, который лично допросил главных участников конфликта. Чиновник не стал закрывать медресе, тем более выяснилось, что В. В. Радлов уже более года не был в этом учебном заведении и лично не разобрался на месте с участниками происшествия. Для урегулирования вопроса 13 января 1873 г. начальник губернии рекомендовал В. В. Радлову направить в медресе К. Насыри, т.е. того учителя русского класса, кого тот собирался назначить изначально, и считать инцидент исчерпанным [10, с. 26—27].

Так с подачи казанского губернатора Насыри был направлен в эпицентр противостояния и борьбы администрации с приходским духовенством. Более того, мударрис медресе Салахетдин Исхаков говорил своим подопечным о греховности изучения русского языка. Таким образом, Насыри оказался между молотом и наковальней.

Русская система образования, которая применялась в новых типах учебных заведений, предполагала наличие доски и парт, переписывание текстов во время урока, отсутствие которых не лучшим образом сказывалось на качестве обучения. Существование русского метода обучения, для которого требовалась тишина, и традиционного неоднократно вызывало конфликт между Насыри и шакирдами, вслух заучивавшими религиозные тексты [18, с. 84—85].

Мударрис медресе, желая препятствовать усвоению шакирдами русского языка или действительно не располагая достаточной учебной площадью, намеренно разрешал проводить занятия по русскому языку только в общем помещении. Насыри писал по этому поводу: «Умному человеку ясно, что в медресе преподавать язык невозможно. Там в одном помещении галдят сотни мальчишек. Для занятий необходима специальная учебная комната. При таких условиях и желающих изучать русский язык было бы больше. Но как вразумить начальство? Человек, занимающий должность инспектора, сам должен быть опытным педагогом. Высшие власти постановили ввести преподавание в медресе. Но ведь они понятия не имеют о том, как выглядят эти медресе. Они, вероятно, думают, что они похожи на гимназии. Если бы они хоть раз были в заведении, предложили бы другую методику. Подчиненному им инспектору тоже не мешало бы знать, какие конкретные меры необходимы. Думается, что инспектором следовало бы быть кому-нибудь из россиян. Потому что россиянин, выросший с мусульманами на одной земле, на одних хлебах, лучше знает их нравы и обычаи. Он лучше разберется в том, что более всего подходит для мусульман; в некоторых случаях, когда это возможно, сможет внести поправки в правительственные постановления. Во всяком случае, жители России легче поймут друг друга. Трудно руководить татарами человеку, который знает народ лишь понаслышке, не имея ни малейшего понятия о национальном характере, нравах, обычаях и других его особенностях. Если человек знающ и опытен в своем деле, работать под его началом несравненно легче. Порядок и законы, установленные властями, обязательны для всех, будь то русский, татарин, чуваш или кто-нибудь другой — безразлично. Что же касается власти исполнительной, призванной проводить законы в жизнь, то здесь справедливость должна быть главным достоинством. Одного командного голоса маловато» [14, с. 78—79].

Радлов не был доволен результатами его обучения. Насыри по этому поводу писал, что особенно трудно добиться правильного произношения у «шакирдов-переростков», что там говорить о скоростном обучении. Даже воспитанники Уфимской татарской учительской школы, по мнению Насыри, специально занимающиеся русским языком, многого не могут понять сразу. Вот почему шакирдов в медресе обучать гораздо труднее, чем маленьких детей [14, с. 77]. Об этом Насыри написал после закрытия по итогам инспекции в 1876 г. министером народного просвещения графом Д. А. Толстым Уфимской татарской учительской школы, выразившим недовольство низким уровнем знания русского языка выпускниками первого набора [3, с. 105].

После пяти- или шестимесячного обучения и шакирды, и учителя заявили В. В. Радлову, что двух уроков в неделю недостаточно для качественного изучения русского языка.

Осенью 1873 г. проблема вышла на официальный уровень. Письмом от 15 сентября имам-хатиб и мударрис Салахетдин Исхаков отказался обучать в стенах медресе русскому языку, обвинив инспектора в несоблюдении норм шариата. Имам писал, что обучение русскому языку и грамоте в здании медресе, где, согласно воле жертвователя, должны

преподаваться исключительно мусульманские религиозные дисциплины, является нарушением условия пожертвования. По шариату «не дозволено и грешно нарушать условия жертвователя», и он «боится наказания Всевышнего бога за нарушение нашего закона». Он также подчеркнул политическую лояльность и законопослушность духовенства при мечети и прихожан, которые на богослужениях молятся за российского государя и императорский дом. Для обоснования правильности своих слов мулла привел ссылки из Корана и двух авторитетных религиозных книг [9, с. 312—313].

Однако В. В. Радлов считал, что данное заявление мударриса противоречит высочайшему повелению.

Во втором письме, адресованном Радлову, Салахетдин Исаков заявил, что землю под Апанаевское медресе пожертвовал его отец, и он, будучи мусульманским духовным лицом, действует по убеждению в правоте своих слов и «если потерпит от этого, то охотно принимает все наказания, которые Всевышний бог ему пошлет». Это был первый случай открытого высказывания казанских мударрисов против правительственного распоряжения.

Все мусульманское сообщество Казани, затаив дыхание, следило за противостоянием между муллой и инспектором. Победа С. Исакова развязала бы руки и дала право другим мударрисам оспаривать решение Радлова о размещении (на безвозмездной основе) русского класса в стенах медресе, потому что все без исключения учебные здания конфессиональных школ были построены на пожертвования богатых единоверцев для удовлетворения образовательных нужд местного общества.

Важность и принципиальность «правильного решения» вопроса осознавал и инспектор. С подачи В. В. Радлова попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков вышел с инициативой к правительству о высылке муллы С. Исакова на жительство в одну из внутренних губерний, однако она осталась неисполненной из-за кончины имама [9, с. 312—313].

В условиях стойкого скрытого противостояния большей части татарского населения г. Казани под руководством приходского духовенства правительственному новшеству Насыри и Радлов находились по одну сторону баррикад. Это — главный и основополагающий момент для правильного восприятия и оценки их взаимоотношений. О нелестном высказывании Радлова в адрес Насыри известно лишь то, что инспектора раздражал отказ учителя русского языка своевременно получать ежемесячное казенное жалованье, что воспринималось инспектором как игнорирование своего замечания по этому поводу [17, с. 64].

Когда В. В. Радлов 12 октября 1874 г. обратился в Казанскую городскую думу с просьбой о повышении ежегодного ассигнования в 560 руб. с целью увеличения количества часов на преподавание русского языка, орган городского самоуправления, видимо, не без влияния татарских купцов-гласных, отказался от своего постановления о ежегодном выделении средств на нужды образования мусульман. В. В. Радлов, чтобы не прерывать начатое и стоившее ему огромных усилий и нервов дело, добился в Министерстве народного просвещения решения о ежегодном выделении 800 руб. на содержание учителей. Благодаря этим средствам ему удалось обеспечить обучение русскому языку в стенах медресе [9, с. 319—321].

Во время посещения русских классов инспектор и сам убедился в неэффективности преподавания государственного языка в стенах медресе. Под его давлением Казанская городская дума 9 июня 1875 г. постановила ассигновать ежегодно 500 руб. на аренду специальных помещений для русских классов при медресе. На этом основании Радлов решил устроить: 1) русский класс при медресе 5-й соборной мечети в казенной школе для

татарских мальчиков на Тихвинской улице, определив и.о. учителя дворянина Ахмерова; 2) русский класс при медресе 1-й соборной мечети в городской татарской приходской школе на Захарьевской улице, назначив учителя Мухамедзянова; 3) класс для трех медресе (при Зеленой мечети, Заводской мечети и медресе «Күл буе» Апапаневской мечети) в отдельном помещении на Большой Мещанской улице, в Старо-Татарской слободе с и.о. учителя дворянином Терегуловым; 4) русский класс для трех медресе в Ново-татарской слободе, на Малой Сибирской улице, назначив учителем отставного унтер-офицера Газеева. Выделяемые учебным ведомством средства в сумме 800 руб. он распределил следующим образом: 300 руб. — на жалование учителю при классе в Старо-Татарской слободе, 300 руб. — на содержание учителя при классе в Ново-татарской слободе и 200 руб. — на учебники для всех классов [10, с. 41—42].

Таким образом, В. В. Радлов отступил от первоначальных планов и был вынужден перевести образовательные учреждения на казенно-общественное содержание, не получая от мусульман средств напрямую, но сохранил главное — статус этих учебных заведений в качестве русских классов, которые, по сути, теоретически охватывали теперь всех учащихся медресе в Старо- и Ново-татарских слободах.

В целом отношение считавшего себя высококомпетентным педагогом К. Насыри к чиновнику В. В. Радлову было неоднозначным. Насыри, имея большой опыт преподавания в иноязычной аудитории в правительственном образовательном учреждении и являясь автором учебников, критически оценивал некоторые требования Радлова по организации учебного процесса и поведение инспектора во время общения с учащимися.

Порой и Радлов, и Насыри, сами того не ведая, становились заложниками местных обстоятельств, традиций и религиозного менталитета учащихся и их родителей.

В своих воспоминаниях Насыри описывает несколько случаев посещения Радловым училища, результатом которых становился массовый уход учащихся из школы.

Первый случай. Во время посещения русско-татарской школы, когда она располагалась во втором по счету помещении, инспектор строго потребовал от детей называть предметы по-русски, указывая на них рукой, причем без учета подготовленности учащихся, вызвав тем самым у недавно начавших учиться детей панический страх. Также при детях инспектор попросил учителя подготовить сведения о сословной принадлежности учащихся: кто из крестьян, кто из мещан, кто из купцов. Из сказанных Радловым по-русски слов дети разобрали лишь одно слово — «крестьяне», и пришли в ужас, вообразив, что их собираются обратить в русскую веру и сделать «христианами», и на следующий день не пришли в школу за исключением трех хозяйских сыновей. К тому же на урок Радлов явился в форме инспектора Министерства народного просвещения, благодаря чему воспринимался детьми как русский чиновник. К тому же в те годы родители пугали плачущих детей словами: «не плачь, не то отдам русскому». Осознав свою ошибку, Радлов в этом учебном году более не досаждал своими проверками [14, с. 75—76].

Второй случай. Когда школа переехала в третье по счету помещение, вернувшийся из Германии В. В. Радлов в сентябре 1872 г. пришел туда с несколькими картинами. Повесив их на доску, после шестимесячного отсутствия принялся экзаменовать детей, указывая на изображения. Когда же не смог получить должного ответа, то разнервничался, стал кричать на детей, говорить, что в Гамбурге детей обучают по данному методу. Насыри высказался за постепенность внедрения новых образовательных технологий. После этого визита часть родителей, узнав о случившемся, заподозрили школу в том, что она учит поклоняться иконам, и перестали пускать детей в школу. К январю 1873 г. в ней оставалось только 5—6 человек. Увидев негативную реакцию учащихся, инспектор не являлся

в школу в течение зимы. Лишь в марте-апреле Насыри удалось довести число учеников до тридцати [14, с. 76—77].

В своем рассказе «Открытие в Казани первой русско-татарской школы для детей мусульман» Насыри написал о себе от третьего лица следующее: «Он искренне стремился принести пользу своему народу. Но этого никто не оценил. Много унижений и несправедливостей пришлось ему перенести. <...> Дошло до того, что прежние знакомые учителя перестали кланяться ему при встречах. Они сообразили, что он занимается делом, подрывающим устои ислама. Особенно несносны... реакционеры, которые всюду распространяют слухи, будто человек этот хочет опозорить мусульманскую веру. Подобные разговоры повергали учителя в уныние. Даже заработок не доставлял радости. <...> Если бы правительство могло учесть всю меру усердия, проявленного им в деле открытия школы, то ему полагалось бы никак не меньше пяти тысяч рублей. Он погубил немало здоровья и времени, вынужденный с самого начала строить обучение по неверной методике» [14, с. 79].

В 1872 г. в русско-татарских школах начали использовать в учебном процессе хрестоматию В. В. Радлова «Белек. Балалар укыр өчен чыгарылган китап» («Белек. Книга, изданная для чтения детьми») [4, с. 190—191], имеющую целью ознакомить учащихся русско-татарских школ со светскими знаниями и дать им нравственное воспитание. Книга Радлова для чтения на разговорном татарском языке в шести тематических разделах (бэян) объединяла 162 поучительных рассказа и научно-популярных очерка по природоведению, естествознанию, географии, астрономии, зоологии, истории и другим наукам¹.

При посещении школы, которой заведовал Насыри, инспектор отслеживал степень использования своих учебников. Во время одного из таких визитов Радлов проверил записи в тетрадях учащихся и выяснил, что в учебных книгах, которыми они пользовались, было вычеркнуто одно предложение. Можно предположить, что речь шла об исправлении учителем текста одной из его книг — «Белек» или хрестоматии «Первая книга для чтения», составленной и изданной Радловым в 1874 г. Вычеркивание слов из составленной им учебной книги Радлов воспринял негативно и потребовал у учителя объяснить причину такого поступка. По словам Насыри, это была вынужденная мера, поскольку из-за этого предложения школу оставили уже несколько мальчиков: оно вызывает ненависть у матерей учащихся. Также повторил свое мнение о том, что желательно использовать для перевода на русский язык изданную им книгу «Кырык вэзир» («Сорок визирей»), где отсутствуют слова, которые могли бы вызывать подозрение у народа [7, с. 492].

В 1875 г. Насыри был переведен в русско-татарскую школу в Ново-Татарской слободе [22, л. 83—83 об.], а его место занял Ибрагим Терегулов [18, с. 85]. Это произошло вопреки просьбе Насыри оставить его на прежнем месте, где ему было удобно контактировать с типографией, вести домашние занятия, а учащиеся привыкли к нему и в случае его ухода перестали бы посещать школу.

К этому времени Насыри уверенно чувствовал себя на педагогической стезе. По этой причине его не заинтересовало предложение младшего брата Гаделькави (в письме от 22 апреля 1875 г.) о работе в управе Свияжского уездного земства с годовым окладом в 800 руб. [7, с. 595].

¹ 1) поучительные рассказы, с. 5—53 («Гыйбрәтләр») — 37 рассказов; 2) рассказы о животных, с. 55—115 («Жәнлекләрнең бэяны») — 57 рассказов; 3) рассказы о растениях и минералах, с. 116—140 («Үлән белән минералларның бэяны») — 19 рассказов; 4) рассказы о времени, Земле, Солнце и Луне, с. 142—176 («Вақыт белән Йир һәм Кояш һәм Айның бэяны») — 18 рассказов; 5) география («Жәғрафия») — 5 рассказов; 6) несколько рассказов об истории, с. 188—232 («Урыс тарихыннан берничә хикәят») — 25 рассказов [4, с. 61—62].

Один из бывших учеников Насыри по Казанской духовной семинарии — Василий Владимирович Катаринский — в 1875 г. был назначен инспектором татарских, башкирских и казахских школ вновь учрежденного Оренбургского учебного округа. В. В. Катаринский (1846—1902), выхлопотав финансирование на открытие русско-татарской школы в Оренбурге, прислал 25 ноября 1876 г. письмо К. Насыри с приглашением переехать на новое местожительство [20, с. 26]. Однако свою просветительскую деятельность Насыри связывал с университетской Казанью.

Программа русско-татарской школы предусматривала учебные часы для основ исламской религии. В русско-татарской школе, которой заведовал К. Насыри, эти часы вел он сам. Насыри, не имея свидетельства учителя начальных классов, по личному разрешению инспектора В. В. Радлова начал преподавать русский язык. Для преподавания основ ислама требовалось пройти испытание в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС), которое по итогам экзамена присваивало духовное звание и выдавало свидетельство, которое являлось для губернского правления главным документом для назначения человека (при соблюдении других требований) на должность приходского духовного лица. В свидетельстве в зависимости от уровня знаний испытуемого записывалось также его звание в случае преподавания в конфессиональной школе — мугаллим или мударрис. Однако в первой половине 1870-х гг. еще не сложилась практика непрерывного приглашения местного указного муллы для преподавания основ ислама, к тому же Насыри закончил казанское медресе в статусе пишкадама. Это обстоятельство и покровительство Радлова де факто давали Насыри возможность беспрепятственного преподавания основ ислама в русско-татарской школе. Ситуация кардинально изменилась, когда он ушел из русско-татарской школы. Очевидно, Насыри планировал продолжать обучение русскому языку в качестве домашнего учителя, используя наработанный опыт. Обучение основам ислама делало его частную школу привлекательной для родителей его потенциальных учеников.

Для того чтобы защититься от клеветнических нападок муллинских кругов, Насыри 3 июля 1876 г. успешно сдал в Уфе экзамен в ОМДС и удостоился звания имама-хатиба и мударриса [15, с. 2—3 об.]. Получив желаемое свидетельство ОМДС, он по статусу юридически уравнился со своими обвинителями и оппонентами.

13 сентября 1876 г. в Казани стараниями В. В. Радлова была торжественно открыта Татарская учительская школа (КТУШ), инспектором которой был назначен Махмутов. Заведение нуждалось в учебных пособиях. Желая оказать помощь новой школе, К. Насыри безвозмездно передал КТУШ карты полушария и пяти частей света с надписями на татарском языке, которые были сделаны на немых картах Санкт-Петербургского издания. Отметив, что карты, составленные «учителем русского языка Казанской татарской школы», представляют собой огромный труд и могут быть полезными при преподавании географии, инспектор КТУШ Махмутов 15 июля 1877 г. обратился к попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову с предложением издать распоряжение об объявлении благодарности учителю Насырову за пожертвование им географических карт [6, с. 24—25].

Причиной ухода Насыри из школы стали не его разногласия с В. В. Радловым по методике преподавания русского языка или использования учебника, а несчастный случай. В старом учебном здании, где работал Насыри, обрушился прогнивший пол, учитель упал в глубокую яму и чуть не умер, захлебнувшись водой. Его обнаружили не сразу, только спустя некоторое время вытащили из ямы в бессознательном состоянии, оказали первую медицинскую помощь. После чего он, наконец, пришел в себя, однако испытал нервный шок. Старший брат Габдельхай забрал больного в свой дом, обеспечив ему хо-

роший уход и лечение. По некоторым сведениям, у Насыри началась нервная горячка. Почти полгода он сильно болел, часто бредил, теряя связь с реальностью [18, с. 84]. После этого трагического случая Насыри, переживший глубокий нервный стресс и душевный кризис, не вернулся в школу.

Учебно-педагогическую работу К. Насыри сочетал с реализацией просветительских проектов. С 1870 г. он ежегодно издавал настольный «Казанский календарь». Специалисты именуют календари Насыри справочными изданиями, поскольку в них размещался разнообразный и многоплановый материал по фольклору, медицине, астрономии, педагогике, статистике, по ведению собственного хозяйства и т.д. [11, с. 76—87, 143—148]. Эти календари заложили основы татарской справочно-библиографической литературы и способствовали развитию научно-популярной литературы [1, с. 116].

Известный специалист по истории татарской периодической печати А. Г. Каримуллин, сопоставив содержание календарей с перечнем тем в прошении К. Насыри и М.-Г. Яхина по изданию газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») 1862 г., сделал важный вывод о том, что все пункты ее программы в полной мере отражены в данном издании [8, с. 15].

Заключение

Каюм Насыри вошел в историю как основатель первой в Казанской губернии и второй по счету в Казанском учебном округе начальной русско-татарской школы для мальчиков. После оставления казенного учебного заведения накопленный педагогический опыт он широко использовал в своей домашней школе.

Резюмируя учительский этап жизни, Насыри оценивал свою деятельность как правое дело, глубоко осознавая свою миссию — просвещение родного народа: «Последующее поколение, конечно, будет пользоваться этим. Народ также привыкнет, неприятных слов не будет слышно. В каждом деле кто-то начинает первый, на его долю не выпадает ничего, кроме ругани. Общеизвестны, например, злоключения Колумба, Гутенберга и других. Важность их открытий оценили в наши дни» [14, с. 79].

В рассматриваемый период педагогическая деятельность К. Насыри локализовалась: 1) в русско-татарской школе в качестве учителя русского языка, математики и основ ислама; 2) в медресе «Приозерная» при Апанаевской мечети в качестве учителя русского языка по совместительству (в 1873—1875 гг., пока инспектор В. В. Радлов не учредил русские классы в специальных помещениях); 3) в домашней школе, где он на платной основе по вечерам проводил занятия по русскому языку, математике, а возможно, по желанию учащихся, и по другим предметам.

В годы преподавания в медресе «Приозерная» учитель жил под особенно сильным психологическим давлением духовных лиц и местных мусульман, оказался в общественной изоляции, потеряв дружеские отношения и доверие даже лиц из числа своего близкого круга общения.

Рассмотренный материал свидетельствует о таких примечательных чертах характера просветителя, как терпимость к невзгодам, философский подход к жизненным испытаниям и глубокая вера в правоту своих начинаний, стойкое перенесение унижений и несправедливостей со стороны единоверцев в стремлении принести пользу своему народу.

Учебно-образовательную деятельность Насыри в 1870—1877 гг. можно условно разделить на три направления: 1) собственно преподавание; 2) подготовка учебников, пособий и книг для чтения и 3) распространение научно-практических знаний через ежегодно издаваемый «Казанский календарь».

В эти годы К. Насыри впервые серьезно задумался о реформе содержания образования в традиционных мектебе и медресе и предпринял некоторые шаги по подготовке

его учебно-методического сопровождения. Будучи осведомленным о составленном инспектором В. В. Радловым учебнике «Арифметика», по которому с 1873 г. обучали в русско-татарских школах и русских классах при медресе, Насыри в том же году опубликовал состоящий из 52 страниц учебник «Хисаплык» («Арифметика»), в котором постарался использовать вместо арабских терминов татарские слова.

В 1875 г. он издал 72-страничный татарско-русский словарь «Татарча-русча легать китабы», над которым работал еще в 1860-е гг. Эти издания адресовались шакирдам и ученикам русско-татарских школ для внешкольного чтения, потому что не могли официально использоваться в казенных школах, в которых преподавание осуществлялось по учебникам, составленным В. В. Радловым.

К. Насыри продолжил практику перевода на родной язык художественных произведений мусульманского востока. В 1872 г. завершил авторский перевод с османского на татарский язык «Повести об Абу-али-Сине», прототипом которой был известный мусульманский ученый Ибн-Сина (980—1037), выдающийся философ, юрист и медик. Полагаем, что эта книга также адресовалась в качестве книги для чтения прежде всего учащимся медресе.

Благодаря ежегодно издаваемому им «Казанскому календарю» Насыри получил новые возможности для распространения научных знаний и социально значимой информации на разговорном языке читателей, часть которых адресовалась учащимся медресе и русско-татарских школ.

Именно в период работы учителем, в борьбе со схоластическим мышлением у Насыри постепенно выработалась программа действий просветителя, реализации которой он посвятил свою оставшуюся жизнь.

Список источников

1. Габдельганеева Г. С. Типографическая деятельность Казанского университета по печатанию востоковедческих книг. (Вторая половина XIX в.) // Китапка хитаб: Татар басма китабына 270 еллыгына багышланган фәнни-практик конференция материаллары / төз. Р. У. Измайлова ; ред. Р. И. Вәлиев. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1994. С. 109—116.
2. Гайнуллин М. Х. Каюм Насыров в документах // Каюм Насыри, 1825—1945: материалы научных сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения / отв. ред. Н. И. Воробьев. Казань : Татгосиздат, 1945. С. 116—128.
3. Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860—1905 гг. Казань : Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.
4. Закирова Л. Н. Василий Васильевич Радлов: казанский период деятельности. Казань : Ихлас, 2013. 292 с.
5. Исламов Р. Каюм Насыри һәм аны өйрәнү // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жьентык / төз. Р. Ф. Исламов. Казан : Жьен, 2017. Б. 3—23. На тат. яз.
6. Казанская татарская учительская школа 1876—1917 гг. : сб. документов и материалов / отв. сост. Л. В. Горохова ; сост. Н. С. Горицкая, Н. А. Шарангина ; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова ; отв. ред. Д. Р. Шарафутдинов. Казань : Гасыр, 2005. 256 с.
7. Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жьентык / төз. Р. Ф. Исламов. Казан : Жьен, 2017. 816 б. На тат. яз.
8. Кәримуллин Ә. Г. Каюм Насыриның календарьлары // Әйдә халыкка хезмәткә! : күренекле татар публицистлары / [төз. Ф. И. Әгъзамов]. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1985. Б. 11—56. На тат. яз.
9. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х годов XIX в. Ч. 1. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1936. 510 с.
10. Медресе г. Казани XIX — нач. XX в. : сб. документов и материалов / отв. сост. Л. В. Горохова ; сост. Р. А. Гимазова, Н. С. Горицкая, Н. А. Шарангина / под общ. ред. Д. И. Ибрагимова. Казань : Гасыр, 2007. 319 с.
11. Миннуллина Л. З. Татарские печатные календари XIX — начала XX в. Казань : Заман, 2015. 176 с.

12. Насыри К. «Казан халкына мөрәжәгәт»нән // Каюм Насыри. Сайланма әсәрләр. Ике томда. Беренче том. Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. Б. 39—47. На тат. яз.
13. Насыри К. Казан шәһәрндә мөселман балалары русча укый торган мәдрәсәнен ибтидасы // Совет әдәбияты. 1936. № 2. Б. 59—64. На тат. яз.
14. Насыри К. Открытие в Казани первой русско-татарской школы для детей мусульман // Насыри К. Избранные произведения / сост. С. Х. Алишев, М. В. Гайнутдинов, Х. Ш. Максүтов. Казань : Татар. кн. изд-во, 1977. С. 72—79.
15. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 10554.
16. Рәхим Г. Каюм Насыриның тәржемәи хәле // Каюм Насыри мәжмүгасы. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга. Казан : Т.С.С.Р. дәүләт нәшрияты, 1922. Б. 16—76. На тат. яз.
17. Рәхим Г. Каюм Насыриның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов ; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан : ТӘҺСИ, 2020. Б. 42—81. На тат. яз.
18. Рәхим Г. Насыриның тәржемәи хәленә гыйләвә // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан : ТӘҺСИ, 2020. Б. 81—88. На тат. яз.
19. Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX — начале XX века. Казань : Татар. кн. изд-во, 2013. 239 с.
20. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 19.
21. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 29.
22. Штернберг Л. Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды). СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщения, 1910. XXV с.

References

1. Gabdel'ganeeva G. S. Tipograficheskaya deyatel'nost' Kazanskogo universiteta po pechataniyu vostokovedcheskikh knig. (Vtoraya polovina XIX v.) [Typographic activity of the Kazan University in the printing of oriental books. (Second half of the XIX century)]. *Kitapka khitab: Tatar basma kitabyna 270 ellygyna bagyshlangan fänni-praktik konferentsiya materiallary* [Dedication to the book. Proceed. of the sci.-pract. conf. dedicated to the 270th anniversary of the Tatar Printed Book]. Kazan, Tatarstan kitap nashriyaty Publ., 1994, pp. 109—116. (In Russian)
2. Gainullin M. Kh. Kayum Nasyrov v dokumentakh [Kayum Nasyrov in documents]. *Kayum Nasyri, 1825—1945: materialy nauchnykh sessii, posvyashch. 120-letiyu so dnya rozhdeniya* [Kayum Nasyri, 1825—1945. Proceed. of sci. sessions dedicated to the 120th anniversary of his birth]. Kazan, Tatgosizdat Publ., 1945, pp. 116—128. (In Russian)
3. Zagidullin I. K. *Tatarskoe natsional'noe dvizhenie v 1860—1905 gg.* [The Tatar National Movement in 1860—1905]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo Publ., 2014. 423 p. (In Russian)
4. Zakirova L. N. *Vasilii Vasil'evich Radlov: kazanskii period deyatel'nosti* [Vasily Vasilyevich Radlov. Kazan period of activity]. Kazan, Ikhlis Publ., 2013. 292 p. (In Russian)
5. Islamov R. Kayum Nasyri һәм аны өйрәнү [Kayum Nasyri and his study]. *Kayum Nasyri: Әдәби-тарихи һәм документал'-биографик әҗентәк* [Kayum Nasyri. Fiction-literary and documentary-biographical collection]. Kazan, ЖҮен Publ., 2017, pp. 3—23. (In Tatar)
6. Gorokhova L. V., Goritskaya N. S., Sharangina N. A. (comp.) *Kazanskaya tatarskaya uchitel'skaya shkola 1876—1917 gg.: sb. dokumentov i materialov* [Kazan Tatar teachers' school of 1876—1917. Collect. of documents and materials]. Kazan, Gasyr Publ., 2005. 256 p. (In Russian)
7. *Kayum Nasyri: Әдәби-тарихи һәм документал'-биографик әҗентәк* [Kayum Nasyri. Fiction-literary and documentary-biographical collection]. Kazan, ЖҮен Publ., 2017. 816 p. (In Tatar)
8. Kәrimullin Ә. G. Kayum Nasyriның kalendar'lary [Calendars of Kayum Nasyri]. *Әidә khalykka khezmatkә! : kyrenekle tatar publitsistlary* [Let's go serve the people! Prominent Tatar publicists]. Kazan, Tatarstan kitap nashriyaty Publ., 1985, pp. 11—56. (In Tatar)
9. *Materialy po istorii Tatarii vtoroi poloviny XIX v. Agrarnyi vopros i krest'yanskoe dvizhenie 50—70-kh godov XIX v. Ch. 1* [Materials on the History of Tartary of the second half of the XIX century. The agrarian question and the peasant movement of the 50s — 70s of the XIX century]. Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1936. 510 p. (In Russian)
10. Gorokhova L. V., Gimazova R. A., Goritskaya N. S., Sharangina N. A. (comp.) *Medrese g. Kazani XIX — nach. XX v.: sb. dokumentov i materialov* [Madrasah of Kazan of the XIX — early XX centuries. Collect. of documents and materials]. Kazan, Gasyr Publ., 2007. 319 p. (In Russian)

11. Minnullina L. Z. *Tatarskie pechatnye kalendarı XIX — nachala XX v.: Issledovanie* [Tatar printed calendars of the 19th — early 20th centuries: research]. Kazan, Zaman Publ., 2015. 176 p. (In Russian)
12. Nasyiri K. “Kazan khalkyna möräjägäte”nnän [“From an address to the population of Kazan”]. Kayum Nasyiri. *Sailanma äsärler: Ike tomda. Berenche tom* [Selected works. In 2 volumes. Vol. 1]. Kazan, Tatar. kit. nәshr. Publ., 1974, pp. 39—47. (In Tatar).
13. Nasyiri K. Kazan shöhärendä möselman balalary ruscha ukıı torgan mädräsәneң ibtidasy [Opening in Kazan of the first Russian-Tatar school for Muslim children]. *Sovet әdәbiyatı — Soviet Literature*, 1936, no. 2, pp. 59—64. (In Tatar)
14. Nasyri K. Otkrytie v Kazani pervoi russko-tatarskoi shkoly dlya detei musul'man [Opening of the first Russian-Tatar school for Muslim children in Kazan]. Nasyri K. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo Publ., 1977, pp. 72—79. (In Russian)
15. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archives of the Republic of Bashkortostan]. F. I-295. Op. 4. D. 10554.
16. Rәkhim G. Kayum Nasyiriniң tәrjәmәi khәle [Biography of Kayum Nasyri]. *Kayum Nasyiri мәҗмугасы. Vafatına egerme el tulu mөнәsәbәte belән chyga* [Collection for the 20th anniversary of Kayum Nasyri death]. Kazan, T.S.S.R. дәүләт нәшриятү Publ., 1922, pp. 16—76. (In Tatar)
17. Rәkhim G. Kayum Nasyiriniң tәrjәmәi khәle [Biography of Kayum Nasyri]. *Rukhi miras: ezlәnylär һәм tabyshlar = Dukhovnoe nasledie: poiski i otkrytiya* [Spiritual Heritage: Searches and Discoveries]. Kazan, TӘhSI Publ., 2020, pp. 42—81. (In Tatar)
18. Rәkhim G. Nasyiriniң tәrjәmәi khәlenә gyilavә [Supplement to the biography of Kayum Nasyri]. *Rukhi miras: ezlәnylär һәм tabyshlar = Dukhovnoe nasledie: poiski i otkrytiya* [Spiritual Heritage: Searches and Discoveries]. Kazan, TӘhSI Publ., 2020, pp. 81—88. (In Tatar)
19. Samatova Ch. Kh. *Imperskaya vlast' i tatarskaya shkola vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka* [Imperial power and the Tatar school in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo Publ., 2013. 239 p. (In Russian)
20. *Tsentr pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya IYaLI* [Centre for written and musical heritage of the Institute of Language, Literature and Art]. F. 11. Op. 1. D. 19.
21. *Tsentr pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya IYaLI* [Centre for written and musical heritage of the Institute of Language, Literature and Art]. F. 11. Op. 1. D. 29.
22. Shternberg L. *Iz zhizni i deyatel'nosti Vasiliya Vasil'evicha Radlova (berlinskii, altaiskii i kazanskii periody)* [From the life and work of Vasily Vasilyevich Radlov (Berlin, Altai and Kazan periods)]. St. Petersburg, Tip. Min-va putei soobshcheniya Publ., 1910. XXV p. (In Russian)

Информация об авторе

И. К. Загидуллин — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Information about the author

I. K. Zagidullin — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 20.11.2024

The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 20.11.2024